

М. С. Глинка

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕЗАВЕРШЕННОМ РОМАНЕ ЮРИЯ СЛЕПУХИНА

Юрий Григорьевич Слепухин написал много книг, они издавались, а некоторые и переиздавались, даже многократно. Особенностью этих книг было то, что их читали. Да не покажется сказанное странным, но наверно каждому нынешнему человеку зрелых лет, не говоря уже о возрасте преклонном, случалось попадать в квартиры, где за стеклами книжных шкафов годами стоят ряды нечитанных собраний сочинений.

Новеньких обложек на книгах Юрия Слепухина в 70-е, 80-е и 90-е — не помню. Возможно, никогда и не видел. У книг Слепухина очень рано, если говорить о первых годах после их появления, возникла, а затем стала расширяться и крепнуть устойчивая читательская аудитория. Книги Юрия Слепухина часто «зачитывали». Это наше ходовое выражение, обозначающее пропажу книги, чаще всего пропажу неуследимую. Это не вполне воровство, но книга, которую я сам покупал, или мне ее подарили, а я ее никому дарить не собирался, уже с кем-то летит, едет в купе дальнего следования, осела на чьей-то даче. Хотя, вроде, ее просто взяли почитать. Но потом она не вернулась, и это, повторим, не воровство, то есть чаще всего не вполне воровство. Но что же тогда? Что это за готовность, если речь идет о книге, пренебречь кое-чем, казалось бы, фундаментальным? Моралью, элементарным доверием, честностью, наконец? Но такая уж у нас, запойных российских читателей, практика. Не у наших, вероятно, все по-другому. Но нам, друг мой, запойный читатель, не живется без щепотки соли и перца к главному блюду... О чем книга? О жизни, загнанной в тупик? О любви угнанной в Германию нашей девушки и офицера вермахта? Как называется? «Сладостно и почетно»? Заговор? Ты уже прочел? Она погибнет?

Юрию Григорьевичу наверняка часто жаловались служащие библиотек. Но какой автор не ухмыльнется, услышав, что книги его, именно его, в числе особенно часто «зачитываемых»? Воровство? Но даже в пору самого свирепого книжного дефицита уголовщиной у нас это никогда не считалось... Нравственные нормы здесь весьма туманны. Человеческое — сеять доброе, мудрое, вечное — тут слишком перевешивало все остальное.

«Зачитыванье» книг особенно процветало лет двадцать пять, тридцать назад... Тогда ведь библиотеки — районные, поселковые, школьные, а также санаториев и домов культуры играли совсем иную роль, чем теперь. Теперь, когда пульсируют десятки телеканалов, и число их продолжает множиться, когда ширится компьютерное многообразие, все глубже и разветвленное раскидывается интернет, начинает казаться, что традиционная, бумажностраничная книга терпит на всех фронтах поражение. Но это — не так. Во всяком случае, пока еще не так. Достаточно пойти в большой книжный магазин. Скажем, в петербургский Дом книги. Какой праздник! Какое феерическое множество книг! При том на любителей книг самых разных. В том числе и на тебя, читатель вдумчивый. А, значит, можно сказать, и читатель профессиональный. Тот, для кого книга — отнюдь не способ убить время, а нечто совершенно противоположное — способ время продлить, добавив к реальной жизни ее удивительное расширение. То есть соотнесение с собственными взглядами, размышления, горячую любовь к никогда не существовавшему (в это невозможно поверить!) персонажу, внутренние споры, соперничество, боль...

К книгам такого рода относятся, несомненно, книги Юрия Слепухина.

Как бесконечно жаль, что автор не увидел издания своего пятитомника!

В этом превосходно изданном пятитомнике изложена, и я бы употребил здесь техницизм, профессионально складирована глубоко индивидуальная и, в то же время навсегда универсальная формула истинной культуры — которая гласит, что для построения прекрасного годится, вообще говоря, любой строительный материал. Все идет в дело.

Практически каждая из книг Юрия Слепухина является глубоко гуманистической переработкой того опыта его жизни, который уж чем-чем, а гуманным никак не был. Весь страшный опыт юности, застигнутой фашистской оккупацией, взросление на каменистой чужбине, канцелярское бездушие по возвращении домой, политическая духота на обретенной заново родине — все это, оказывается, может у талантливого писателя пойти в дело... «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы, не ведая стыда...» — сказала Ахматова.

Видимо, причиной возникновения именно писательской, а никакой иной судьбы Юрия Слепухина и был опыт жизни, полученный автором сполна в кардинально различающихся мирах. Судьба эта, в чем-то inferнальная, сколькими бы десятилетиями устойчивого литературного успеха она не ознаменовалась, была, конечно, по возвращении в СССР искусственно, если не сказать, жестко определена. Но на иное у нас нечего было и рассчитывать. Государево око на всех, побывавших в плену или в оккупации, и десятки лет спустя смотрело взглядом особенным и тяжелым. Писательская профессия при этом не облегчала, а усугубляла мрачную подозрительность государственной рептилии. В писательском сообществе эту подозрительность в полной мере ощутили, как попавший в оккупацию четырнадцатилетним вывезенный в Германию на каторгу Виталий Семин (1927–1978) повесть «Семеро в одном доме», «Нагрудный знак OST»; так и дважды бежавший из фашистского плена Константин Воробьев (1919–1975) «Убит под Москвой», «Вот пришел великан». Надо ли говорить, что на вернувшегося после многолетнего пребывания за границей (в качестве «перемещенного лица») бодрого и деятельного Юрия Слепухина выпала не тающим в течении всей его последующей жизни снегом подозрительность приглядывающих органов? Вероятно, и для них эта высокая миссия не была в радость. И, должно быть, чтобы она не стала совсем обременительной, Слепухину, как всякому реэмигранту не было разрешено даже бытовым образом раствориться в городе первой категории. Был у нас тогда такой список. В просторечии — «минус семь». Или я путаю, и на самом деле «минус девять»? Москва, Ленинград, Киев... Какой там следующий?

Юрий Слепухин поселился в Мельничном Ручье, деревянном поселке Всеволожского района, в двух десятках километров от Ленинграда. Поздравим Мельничный Ручей (ныне город Всеволожск). Там теперь есть улица Юрия Слепухина и библиотека его имени.

Ко времени возвращения на родину Юрию Слепухину пришлось уже увидеть и испытать столько всего, попробовать свои силы в стольких профессиях, что реальным конкурентом ему здесь мог бы быть, вероятно, только Джек Лондон.

«Не подводя итогов» — такое название носят 150 страниц, подводящих, вопреки их названию, итоговую черту творчества Юрия Слепухина.

Сказать, что страницы этого неоконченного романа явно тяготеют как к автобиографическому жизнеописанию, так и к исповедальной прозе, хотя и необходимо, но абсолютно недостаточно. Более того — образ центрального героя «не подведенных итогов» мерещится отнюдь не литературным персонажем, а реальным действующим лицом, да и все повествование представляется не столько литературным произведением, сколько дневником подлинным. Отдельные формальные нестыковки при таком жанре не только неважны, но даже, если говорить о правде жизни, почти неизбежны. Ведь автор романа и автор-мемуарист — два разных человека в одном лице, и попытка этого двойного автора сопрячь интимный дневник с некой крупнопанорамной панорамой воспринимается мной, читателем, как попытка показа объемной, гораздо более полной правды, в отличие от правды плоскостной.

Вероятно, первым из встретившихся Слепухину в этой работе препятствий был его календарный возраст. Его пришлось изменить, прибавив себе четверть века. Иначе бы родившийся в 1926 году автор не мог понять эстетскую оторванность от реальности Владимира Набокова, который в 1918 году гонялся по склонам Ай-Петри, ловя бабочек, не мог бы слушать лекции академика Павлова в 1923, а также ощущать настроения офицера в 1917 году, как свои. Приведу лишь одну цитату: «...немногочисленное сословие, которое исполняло свой долг перед страной — это офицерство

среднего звена — постоянный объект насмешек и глумления прогрессивной общественности...»

Юрий Слепухин ощущал (вернее, научил себя ощущать) годы первой четверти двадцатого века так, словно он в них жил. Оккупация же родных мест, когда он был уже школьником старших классов, затем угон в Германию и эмиграция после разгрома Германии на другую сторону земного шара сгустили, спрессовали его жизнь и его память о покинутой родине. Открытость будущему литератору того пласта эмигрантской и всемирной литературы, который был бы ему категорически недоступен в Советской России 1940–1950-х, также сделала свое дело. Время же и расстояния не являются, согласно Эйнштейну, константами — они способны растягиваться или сжиматься в зависимости от скоростей. Юрию Слепухину, испытывавшему на себе страшные перепады скоростей бытия, вероятно, это было более, чем очевидно. Спрессованные же события как реально им пережитые, так и впечатавшиеся в юношескую память из вовремя прочтенного, прошло сквозь его чувства и нервы, как единое целое.

Последняя рукопись Слепухина — неоконченный роман «Не подводя итогов», на мой взгляд, едва ли и мог быть закончен. Может быть, даже, не должен. Сам жанр этой рукописи, а также дневниковый, свободный от выстроенного сюжета стиль, обилие отступлений и многочисленные маргиналии говорят о рабочей стадии рукописи... А еще — и это, возможно, важнейшее, хотя говорит о том же — здесь новая жесткость обобщений. Как нам может показаться сегодня — близкая к провидческой. Наверно поэтому нас так приковывает иногда и даже более, нежели скульптура законченная, то, что скульптор успел изваять в порыве вдохновения или отчаяния в первые дни или даже часы работы над своим последним замыслом... И — не закончил.

Только ли две жизни прожил Юрий Слепухин? Мережится, что в оставленном им неоконченном романе-дневнике он обозначил скелетно, но очень зримо и жизнь третью, которая началась у него за четверть века до обозначенной календарно, а с выходом избранного продолжается для нас и сейчас.

Как и когда мы с Юрием познакомились, припомнить не удается. Вернее всего в начале 70-х, впрочем, может быть, и раньше — семья моей сестры в те годы жила летними месяцами в Мельничьем Ручье, на дачном участке друзей семьи, при этом столь давних, что, можно сказать, потомственных — стаж с 1904 года, японская война. И соседями — забор в забор там были Мельниковы — семья известного профессора-онколога Рюрика Александровича Мельникова, отца актрисы Насти Мельниковой — Юра же Слепухин, кажется, был связан с этой семьей какими-то родственными узами. Так что, вероятно, рано или поздно, мы с Юрой познакомились бы и без Союза писателей.

Второе — тоже из прошлого. Предполагаю, что были знакомы еще наши отцы. Отец Юрия Григорий Пантелеймонович Кочетков в 1930-е годы был главным агрономом Северного Кавказа, и его семья Кочетковых в те годы, часто переезжая, подолгу жила в Пятигорске и Ставрополе. Но в те же 1930-е, вплоть до 37-го на том же Северном Кавказе — и, практически, в тех же местах (гора Змейка, Терский конный завод под Пятигорском) служил начконом, то есть, заместителем директора конного завода по научной части, и мой отец. Что эти два человека, почти ровесники, к тому же занятые в смежных сферах хозяйства, обязанные бывать на одних и тех же районных и краевых совещаниях и летучках, могли бы не знать друг друга, трудно даже предположить. К тому же, кроме профессий, их могло сблизить и сходное в том, чего дальше от жизни ждать. Происхождение Юрино-го отца было военно-казачье, у матери Юры — дворянское. Для тех лет не знаешь, что хуже. Родню Юриных родителей в 1930-х уже рассадили по лагерям и тюрьмам. В другом варианте, но в чем-то основном похожее было в семье и нашей. Старший брат отца, двадатидвухлетний военный врач, служил у Врангеля, был заколот штыком в санитарном поезде в ноябре 1920-го под Перекопом. Моего деда, земского врача, но в 1917-м по военному времени носившего погоны полковника, арестовывали до середины 30-х пять раз — и в те дни, когда Тухачевский брал мятежный Кронштадт, и на время процесса Промпартии. Отца с двумя десятками сослуживцев арестовали в мае 1937-го. Следствие шло в Минводах.

Выясняли, по заданию кого начкон и его табунщики делали лошадям аборты. Когда началась жара, то камеру, через которую шла труба от кухни, набивали подследственными вплотную, чтобы все стояли. Тех, кто умирал, передвигали к трубе. Выпустили весной 1940-го, уже после расстрела наркомвнудела Ежова. Виноваты, мол, не табунщики, а особый вид травы на склонах гор. Место Ежова занял Берия. И вот война. Отец погиб под Ленинградом в марте 42-го.

Почему Слепухины, угнанные из оккупации в Германию, не вернулись на родину, пока был жив Сталин, мне объяснять не нужно.

Познакомившись с Юрой Слепухиным, я, помнится, как-то сразу ощутил его доброжелательство и какую-то, непривычную для нас свободную открытость. Прошли с тех пор уже десятки лет, а помнится. Но он не был, конечно, рубахой-парнем. И добряком во всех ситуациях тоже едва ли. Неоконченный роман, о котором уже упоминалось, тому свидетельство. Читая его, нельзя не увидеть неизбывного, горького скептицизма, к которому приходит главный герой, совершая, точнее же сказать, завершая свой жизненный круг.

Из того, что глубже всего (а, может, ярче?) осталось в памяти от непосредственного общения с Юрой — это то, как он очень прямо, но нисколько не назойливо смотрел тебе в лицо, внятно говорил, и ты понимал, что его внимание к тебе — это не фигура вежливости. А еще он удивительно смеялся. И, не знаю, как это отчетливо выразить — смеялся он иногда совершенно чарующе... но при этом так, как у нас давно уже не смеются. Помню, это случилось как-то на собрании в актовом зале Дома писателей на Шпалерной (тогда ул. Воинова). По поводу чего было собрание, кто председательствовал, кто был на трибуне, какой год, ничего из этого в памяти не сохранилось, помню лишь, что зал был полон, и мы с Юрой Слепухиным совершенно случайно оказались сидящими рядом. И была какая-то тяжелая бесконечная тягомотина. При этом почему-то не уйти. Опыт тех лет говорил, что если есть возможность, то садись рядом с кем-нибудь, с кем возможен словесный бадминтон. Понятно, что полушепотом. Как бесценных соседей на других собраниях

вспоминаю Юру Рытхеу, Виктора Конецкого, Радика Погодина...

А тут мы оказались рядом с Юрой Слепухиным. Над залом висела полуторжественная липкая тишина, и я что-то, видимо, глупо-смешное сообщил Юре полупшепотом на ухо... И Юра вдруг весело, громко и как-то замечательно простодушно захохотал. Признаюсь, я испугался. С передних рядов в нашу сторону сворачивали шеи.

Как тут не вспомнить андерсеновского мальчика из «Голого короля»?

Санкт-Петербург, 2012 г.

